

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ДВУХ СВЯТЫНЬ

После освобождения, отец Иоанн снова вернулся в Оленевку, но религиозная жизнь в родном селе представляла собой явление безотрадное. В столь любимой старцем оленевской церкви не было священника – отец Дмитрий Любимов был давно арестован, служб не совершалось. И в последующем служить старцу в родном храме уже не пришлось. Он лишь со слезами на глазах мог созерцать гибель своей духовной колыбели.

Некоторое время здесь было зернохранилище. Когда храм стали осматривать под засыпку хлеба, в церковь прибыло все местное начальство. Явился и председатель колхоза Ермолай Цыцин. Когда он зашел в церковь, ему вдруг захотелось сплясать здесь, как в клубе. Послали за гармонистом. Тот не отказался, как же, начальство просит. И вот заиграла музыка, Ермолай стал выплясывать в храме Божиим. А в это время случился пожар в его доме. Неизвестно, что послужило причиной, но говорят, что местные жители так сводили счеты с Ермолаем за раскулачивание. Во всяком случае, таково было наказание Божие за поругание святыни.

Дом был, как и все – с соломенной крышей и сразу занялся огнем. Народ собрался вокруг посмотреть, как Ермолай горит, и ни один человек не бросил в огонь и щепоть земли – настолько ненавистен был всем этот человек и дела его. Только кое-как насилу вытащили из огня больного старика Ивана и малых детей. А в это время председатель продолжал в храме отбивать чечетку. Бросились в церковь, кричат ему: «Ермолай, горишь!». Он кинулся к дому, но дома уже не было, сгорело и все добро, награбленное у людей, все богатство, отнятое у купцов кондольских¹⁶⁷. Рассказывают, что в кощунстве над оленевской церковью отличился и сын председателя Борис Ермолаевич (1930 г. р.), который еще мальчиком со своими друзьями брал в церкви облачения, обряжался в них и так для смеха ходил по селу.

В 1935 году оленевские прихожане обращались к властям с просьбой разрешить собрание, но вместо этого Кондольский райисполком за спиной у верующих намечал снос Введенской церкви. Местные власти сообщили в крайисполком, что: «Церковь не закрыта, но бездействует с 1930 г. Технически не пригодна. Помещение каменное, фундамент разрушен, стены отошли, образовались трещины. Может быть использована на слом»¹⁶⁸.

Ломать оленевскую церковь начали в 1936 – 1937 гг. Стены растаскивали тракторами, полученные материалы планировали пустить на постройку МТС в соседней Князевке. Но крепкая кладка не позволяла получить целые кирпичи, оставались лишь обломки. Потом это дело бросили, и долгое время церковь стояла в руинах. А не так давно, в 70-х – 80-х годах место решили «благородить» – снести все полностью. Нагнали тракторов и растащили церковный остов. Только одна каменная глыба так и не поддалась ожесточенным усилиям техники, она осталась стоять и по сей день, как память о мученичестве Введенской церкви. Так погиб храм в Оленевке, с которым была связана большая часть подвижнической жизни отца Иоанна. Храм был средоточием его святой жизни, местом духовного восхождения старца. К великому прискорбию, именно об этом храме нам известно меньше всего, а самое печальное – не сохранилось ни одного изображения этой церкви, за исключением рисунка, сделанного по туманному описанию старожилов.

Гораздо больше сведений сохранилось о церкви в селе Соловцовка, закрытие которой проходило одновременно с оленевской. Дожила до нас и сама церковь. В 1934 – 1937 годах здесь развернулись настоящие баталии между многочисленными верующими, умолявшими не закрывать церковь, и всевозможными инстанци-

ями по ликвидации культовых зданий. Главными защитниками церкви выступали священник Иоанн Хорошунов*, староста церкви Пелагея Осиповна Герасимова, члены церковного совета Евдокия Ивановна Акимова, Мария Ивановна Зеленцова, Степанида Хренова, Пелагея Пыжова, Алексей Иванович Бубнов¹⁶⁹.

Закрытию церкви способствовала группа антирелигиозников во главе с председателем сельсовета Климовым. Эта группа просила закрыть церковь под школу еще в 1934 году, т. к. старая школа сгорела в декабре 1934 года и теперь 187 учеников остались без школьной площади. За закрытие церкви расписалось якобы 87 % населения. Храм в Соловцовке был закрыт постановлением президиума Куйбышевского крайисполкома от 5 июня 1935 года¹⁷⁰. Верующих отослали молиться за 7 километров в Князевку, но они обжаловали постановление, написали заявление об открытии церкви за подписью 710 человек. Среди расписавшихся были духовные дочери отца Иоанна – Евдокия и Анна Кучеровы. Жалоба долго не разбиралась, письма из органов всякий раз перехватывались на уровне сельсовета. Так и не дождавшись ответа, верующие решили писать жалобу в одну из самых высоких инстанций – Комиссию Советского Контроля при Совете Народных Комиссаров СССР¹⁷¹. В этом документе доходчиво изложены мытарства верующих по советским инстанциям.

«Гениальным декретом, имеющим Мировое значение, изданным в 1918 г. Партией и Правительством РСФСР (С. У. РСФСР № 18 – 1918 г., ст. 263) – «церковь» отделена от Государства и школы и провозглашена «свобода совести и религии».

Данным декретом предоставлено «право» группой верующих разных религиозных общин и толков – заключать договора с Местной Властью на аренду помещений и имущество религиозных культов, каковые могут быть аннулированы лишь только в случае «нарушения группой общественного порядка и спокойствия».

* Иоанн Кузьмич Хорошунов – последний довоенный священник с. Соловцовки родился в 1880 году в деревне Бесядь Гомельского уезда Могилевской губернии и происходил из семьи церковнослужителя. Окончил духовную семинарию. В 1926 году был осужден за контрреволюционную деятельность, отбывал наказание в Сибири. Разведен. В 1935 – 1936 гг., помимо Соловцовки, одновременно служил в Наровчате. Приезжая в Соловцовку, поддерживал благоговейные отношения с о. Иоанном Оленевским. В частности, по его благословию женщины носили старцу пищу. В октябре 1936 года о. Иоанн Хорошунов был арестован и с 18 числа содержался в Пензенской тюрьме. Проходил по одному делу со священномучениками епископом Феодором (Смирновым), иереями Гавриилом Архангельским и Василием Смирновым. Обвинялся в конрревол. и фашистской деятельности, связях с Владыкой Феодором, поездках по епархии с агитационной целью. Частично признал себя виновным. Приговорен к 10 годам заключения. Дальнейшая судьба неизвестна. (Архив УФСБ по Пензенской области, д. № 10554).

К несчастью, этот гениальный декрет как бы забыт не только Местной, но даже и Центральными Властями. На основании указанного декрета группа верующих с. Соловцовки, насчитывающая в своем числе до 1000 человек, спокойно пользовалась зданием церкви для отправления своих религиозных потребностей до июня м-ца 1935 года, когда ей было заявлено Местной Властью, что постановлением Куйбышевского Крайисполкома по ходатайству Председателя Кондольского РИКа, церковь с. Соловцовки передается под школу. Встревоженная группа верующих сейчас же послала своих уполномоченных с заявлением о протесте, подписанным одной тысячей человек верующих, в Куйбышевский Крайисполком, но такое, видимо, оставлено без последствий.

Не дождавшись никакого результата от Куйбышевского Крайисполкома, уполномоченные верующие с. Соловцовки тотчас же поехали в Москву – в Культкомиссию ВЦИКа РСФСР с той же жалобой, но уже без подписи тысяч человек верующих, каковая, видимо, затерялась в Куйбышевском Крайисполкоме. Культкомиссия ВЦИКа признала закрытие церкви с. Соловцовка неправильным и предложила уполномоченным «словесно», не дав письменного распоряжения Местной Властью с. Соловцовки, в дальнейшем использовать церковь села для религиозных нужд.

В апреле м-це текущего 1936 г. Председателем Кондольского Райфо т. Захаровым было объявлено председательнице группы верующих, что по постановлению Культкомиссии от 20 марта 1936 г. церковь с. Соловцовки закрыта, несмотря на то, что причитающиеся финсборы как за аренду помещения, так и за служителей культа были уплачены группой верующих вперед целиком за весь 1936 год.

На вторичный личный протест уполномоченных группы перед культкомиссией ВЦИКа о закрытии церкви, таковые получили «формально-бюрократический» ответ, что церковь закрыта по ходатайству группы (небольшой) антирелигиозников с. Соловцовки еще в 1935 г., т. е. как раз наоборот и вопреки декрету 1918 года.

Культкомиссия ВЦИКа не обратила внимание и на протест уполномоченных, что в прошлом 1935 г. та же комиссия ВЦИКа дала «устное» распоряжение уполномоченным верующих – использовать в дальнейшем церковь под свои нужды.

В силу изложенного группа верующих с. Соловцовки Кондольского р-на Куйбышевского края, признавая действия по закрытию церкви с. Соловцовки как Местной Властью, так и Культкомиссии ВЦИКа РСФСР неправильными, просит Комиссию советского контроля при СНК СССР рассмотреть данное дело и вернуть церковь группе верующих для дальнейшего использования таковой по прямому назначению.

3 июня 1936 г. уполномоченные верующих с. Соловц. Герасимова Пелагея Осиповна, Матвеев Дмитрий Григорьевич»¹⁷².

В августе 1936 года верующие вторично послали заявление в Комиссию советского контроля¹⁷³. Власти, попросту, глумились над верующими. Все это дело больше походило на розыгрыш православных, умело инсценированный советским антирелигиозным аппаратом. Из всей этой эпопеи хорошо видно, насколько был дорог верующим Божий храм, как жаждали они службы, молитвы, проповеди евангельского слова, да просто нормальной приходской жизни. Но ситуация упорно клонила не в их сторону, наступало время небывалого духовного голода.

Местные власти продолжали планировать переделку храма под школу. Когда же, наконец, разобрали заявление верующих, то оказалось, что подписи, собранные за открытие церкви, относились еще к 1930 году, когда во время раскола в оленевском и соловцовском приходах одна часть верующих подписывалась за епископа Кирилла, а другая – за обновленца Николая Розанова. Допросили церковную старосту Пелагею Осиповну Герасимову, но про списки 1930 года она ничего сказать не могла, потому как сбором подписей занимался житель соседней деревни Николаевки Алексей Иванович Бубнов, который, видно, переусердствовал в этом деле: ходил по селу, собирал подписку и заодно намешал в подписные документы 1935 года листы, оставшиеся с 1930-го.

По одним данным, церковь в Соловцовке не только не открыли, а еще и привлекли к судебной ответственности членов церковного совета¹⁷⁴. По другим данным, Троицкая церковь села Соловцовка действовала до июня 1936 года. Так, в мае 1936 года здесь служил отец Иоанн Оленевский, который между утреней и обедней отдыхал в доме Карповой Анастасии Калистовны, стоявшем напротив церкви¹⁷⁵. По этому поводу 30 ноября того же года 70-летняя старушка Карпова была допрошена следователем НКВД.

По рассказам старейшей жительницы Соловцовки Галины Михайловны Куряевой, довоенная история Троицкой церкви закончилась ее переоборудованием под клуб. Это подтверждается и документом, отложившимся в Пензенском партархиве, где сказано: «К 7 ноября 1936 г. отремонтировать красный уголок при каждом колхозе и просить бюро райкома выслать представителей от райисполкома и НКВД для изъятия ценностей из соловцовской церкви и здание передать под клуб колхоза «Верный путь» (самое серьезное отношение)»¹⁷⁶. Крест с зеркалами, заказанный Селивановым в Петербурге, был сброшен и разбился, – рассказывает Галина Михайловна. Внутри, по уровню нынешних иконных лавок храм перегородили. Здесь с одной стороны сделали буфет, с другой – раздевалку. Там, где сейчас южные ворота

и рака со святыми мощами отца Иоанна, устроили сцену. На месте алтаря находилась зрительная ложа для начальства. Привозили кино, устраивали танцы. Но так было недолго, видимо, что-то остановило это веселье. В самом конце 30-х помещение приспособили под колхозный склад. При закрытии церкви, – продолжала Галина Михайловна, – люди, конечно, возмущались, но рот откроешь – в Сибирь. Потом при храме начали раскапывать склепы, где были захоронены Соловцовы. Братья Резяевы – Поликарп Киреевич и Иван Киреевич одну могилу у соловцовской церкви открыли, гроб вынули, сапоги были целые, не истлевшие...¹⁷⁷